

10. Титаренко, Л.Г. Тенденции развития современной социологии. //Социология: 2, 2005 июнь. – Мн.: БГУ, с. 18-23.
11. Лугвин С.Б. Рациональность индустриального общества и модель «рациональной бюрократии» М. Вебера. //Социология: 2, 2005 июнь. – Мн.: БГУ, с. 55-63.
12. Вебер М. История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономической истории. ПГ., 1923. с. 177-178.
13. Романовский Н.В. Три подхода к будущему социологии. //Социология: 2, 2005 июнь. – Мн.: БГУ, с.24-33.
14. Arjomand Said Amir, Theory and The Changing World. Mass Democracy, Development, Modernization and Globalization. International Sociology. 2004. №3. P.299-353.
15. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий //Избранное. Образ общества. – М.,1994. с.67.

УДК 130.3

Варич В.Н.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ КАК УНИВЕРСАЛИЯ КУЛЬТУРЫ

Культивировавшиеся на протяжении советской истории представления о светлом будущем, ожидающем трудящихся при наступлении эры коммунизма, утратили жизненность в результате социальных трансформаций двух последних десятилетий. Постсоветское общество функционирует в настоящее время без четко выраженной исторической цели и даже без более или менее внятно сформулированных перспектив и проектов дальнейшего развития. В этих условиях трудно, если не невозможно, говорить о развитии национальной идеи и государственной идеологии. Любая идеология есть система взглядов, выражающих коренные интересы и потребности какой-либо социальной группы или общества в целом, и в качестве таковой должна иметь определенную структуру и выстраиваться в виде некоей иерархии идей, среди которых одно или несколько взаимосвязанных положений образуют ядро идеологии. Идея, отчетливо выражающая представление о конечной цели развития группы (общества), несомненно относится к числу основных положений идеологии. Поэтому ясное понимание того, что является идеалом (в смысле идеальной цели деятельности) данного общества, весьма востребовано в наши дни. Один из наиболее выдающихся представителей русской школы философии права П.И. Новгородцев писал в начале XX века следующее: «... когда мы берем современные искания в их совокупности, мы чувствуем, что в них оставлена твердая земля и не видно берега, к которому можно было бы пристать. Какая-то небывалая безграничность, переходящая порою в отсутствие перспектив, какая-то тревожная сложность, представляющаяся иногда безнадежной запутанностью – вот что прежде всего чувствуется здесь. Это именно плавание по безбрежному морю, в котором как будто негде пристать, негде бросить якоря» [1]. Данное рассуждение звучит весьма современно и по прошествии столетия, не менее актуальными представляются и размышления Новгородцева о философской и культурологической сущности общественного идеала.

Философ показывает, что общественный идеал разносторонен: он выступает как политический идеал, как социальный идеал и как философская проблема. По его словам, классическая европейская культура, которую он ограничивает периодом с конца XVIII по конец XIX века, сформировала представление о грядущем земном рае, являвшееся для нее и высшей опорой, и последней мечтой. Такие разные мыслители, как Руссо, Кант, Гегель, Конт, Спенсер и Маркс были убеждены: «*что человечество, по крайней мере, в избранной своей части, приближается к заключительной и блаженной поре своего существования, 2) и что они знают то разрешительное слово, ту спасительную истину, которая приведет людей к этому высшему и последнему пределу истории*» [2]. Благодаря усилиям ученых и философов XVIII-XIX веков была создана картина безусловной и прочной гармонии, к которой придет человечество хотя и в отдаленном будущем, но наверняка, так как эта гармония вытекает из самой природы, из ее неизменной закономерной необходимости: сама жизнь (а у

Маркса – общественное развитие) подготовит человечеству его будущее счастье, и тогда настанет «царство свободы».

Вера в земной рай была распространена и прежде – мечта о золотом веке, относимом или к отдаленному прошлому или к ожидаемому будущему, является одним из самых устойчивых человеческих убеждений и одним из самых устойчивых утешений. Идеальную причину такого убеждения Новгородцев видит в том, что люди надеются на грядущее торжество безусловной правды и справедливости, и показывает, что такая надежда отвечает конкретным мечтам обычного человека: «Усталые путники на жизненном пути, люди ищут отдохнуть и забыться в сладких мечтах о счастье, пережить хотя бы в воображении это блаженное состояние, где нет более ни борьбы, ни тревог, ни тягостного изнурительного труда. И несомненно, что именно эти обещания и надежды обуславливают главную притягательную силу социалистических и анархических идеалов» [3]. В период же становления буржуазного общества идея грядущей гармонии получила особенное развитие, так как органически сочеталась со всеми стремлениями и надеждами нового человека, закрепила его мирозерцание, обусловила его энтузиазм в сфере общественного создания. Она была подкреплена блестящими успехами человека в научной и практической деятельности и поэтому из смутного чаяния и легендарного предсказания превратилась в философскую теорию, подкрепленную доводами разума. Однако разочарования XIX века постепенно разрушили веру в безусловную силу различных политических средств, предлагавшихся для совершенствования общества, хотя и оставалась надежда, что когда-нибудь все же будет обнаружено новое средство, благодаря которому все частные неудачи окажутся временными и случайными. Размышляя над такими представлениями, Новгородцев показывает, что к концу XIX века стало очевидным, что потерпели крушение не временные политические средства, а утопические надежды найти безусловную форму общественного устройства: «*1) Надо отказаться от мысли найти такое разрешительное слово, которое откроет абсолютную форму жизни и укажет средства осуществления земного рая. 2) Надо отказаться от надежды в близком или отдаленном будущем достигнуть такой блаженной поры, которая могла бы явиться счастливым эпилогом пережитой ранее драмы, последней стадией и заключительным периодом истории*» [4]. Крушение политического идеала привело к формированию социального идеала: если политические реформы не приносят ожидаемого результата, то его надо ждать от общественного переворота, но и социальный идеал, понимаемый таким образом, оказался несостоятельным.

В своей знаменитой книге «Об общественном идеале» Новгородцев убедительно доказывает, что идея земного рая, на которой основывались новоевропейские представления о будущем человечества, противоречит одновременно и моральной философии, и научной теории. Идея достигнутого земного совершенства никак не может быть согласована с классическим пониманием морального стремления, заключающего в себе начало бесконечности. Действительно, предста-

Варич Вероника Николаевна, кандидат философских наук, доцент Брестского государственного технического университета. Беларусь, БГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

вить идеал достигнутым и конечным означало бы отрицать бесконечную силу нравственного стремления и абсолютный смысл идеала, который невозможно соотносить с относительными формами его выражения. С другой стороны, идея устойчивого блаженства, которое люди могли бы достичь на земле, противоречит диалектическому и эволюционному мировоззрению. Но утопия земного рая имеет глубинные истоки, поскольку исходит из мысли дать человеку безусловное и полное удовлетворение – от идеального общества ожидается не только материальное благополучие людей, но и совершенство их духовной жизни, свободной от противоречий, внутреннего разлада и грехов. «В этом смысле каждый общественный идеал, скрыто или открыто опирающийся на идею земного рая, в сущности воспроизводит идею средневековой теократии о спасении людей через общество верных, силою своей веры или своих заслуг удостоившихся высшей благодати» [5]. Как справедливо утверждает Новгородцев, общественная проблема таким образом совпадает по существу с религиозной – с проблемой спасения людей от слабости и ограниченности их личных сил. Вся задача общественного создания сводится фактически к тому, чтобы найти такую форму социального устройства, при которой человек чувствовал бы себя в гармонии с общественной средой.

Сама постановка задачи предполагает, что между личностью и обществом может установиться гармония. Но реалии XIX века (и тем более – XX века) сформировали совершенно противоположное убеждение – личность находится в противоречии с обществом, между ними нет и не может быть полного соответствия. Поэтому даже самые совершенные формы социальности, которые могут быть созданы последующими поколениями, не могут устранить принципиального несоответствия интересов личности и общества. Означает ли это, что на фоне господствующего в европейской культуре индивидуализма общественный идеал утратил значение? Новгородцев отвечает решительным отрицанием, показывая, что даже внешние формы обожения составляют часть духовной жизни личности, ее символ и результат, что они возникают в социальном поле духовности, которое создают различные личности и которое постоянно влияет на них самих. Поэтому общественные формы выступают для человека необходимым средством прогрессивного развития, хотя и не являются его абсолютной целью. Общественная и личная сферы жизни самостоятельны, но каждая из них имеет свое значение для индивида постольку, поскольку их исходным пунктом и опорой является человек и его предназначение. На этих позициях Новгородцев сравнивает идеал прогресса в новоевропейской философии со средневековым хилиазмом, но указывает, что прогрессистский идеал более уязвим, так как отрывается от религиозных корней и превращается в учение о безначальном и самодостаточном земном человеческом благополучии. Он же сам полагает, что социальная философия должна воспринять и усвоить то понятие бесконечности, которое является фундаментом всей современной ему картины мира. «Не земной рай, как вечная награда за употребленные ранее усилия, а неустанный труд, как долг постоянного стремления к вечной усложняющейся цели, – вот что, с этой точки зрения, должно быть задачей общественного прогресса. Не пассивное состояние, раз и навсегда осуществленное в силу некоторых счастливых условий и предшествующих заслуг, а активное проявление энергии, творческий процесс никогда не прекращающихся усилий – вот образ идеального общения. /.../ Свободная личность – вот основание для построения общественного идеала, но личность, не отрешенная от связи с другими, а носящая в себе сознание общего закона и подчиняющая себя высшему идеалу» [6].

Принцип свободной личности, по Новгородцеву, не может и не должен быть связан с какой-либо определенной формой общественного устройства, поэтому любая попытка остановиться на каком-либо состоянии общества, которое представляется совершенным, является ошибкой. Так, он считает, что принцип народовластия, нашедший выражение в западных

демократиях, есть только временная форма для выражения безусловного начала личности, в то время как практическое его установление было воспринято в Европе как торжество общего освобождения и уравнивания. Между требованиями личности и началом народного суверенитета европейские революции поставили знак равенства, а перемещение власти от немногих ко всем было признано идеальным решением социального вопроса. «Когда в принципе народовластия усмотрели разрешительное слово, долженствующее спасти мир, его поставили во главу угла и из него стали выводить все остальное. Надо осуществить в обществе подлинную и справедливую народную волю, и все цели общественной жизни будут достигнуты. Равенство и свобода, общее согласие и мир станут естественными следствиями той незыблемой гармонии, которая воцарится под сенью абсолютного народовластия» [7]. Однако выяснилось, что ни представительство, ни голосование и выборы, ни парламентаризм не решают проблему противоречия личности и общества: народовластие как выражение коллективной воли людей не обосновывает правомочий отдельных лиц на участие в управлении. Новгородцев усматривает в преувеличенных надеждах на демократию недостаток, общий для всей новоевропейской философии – веру в возможность общественной гармонии и поиск всемогущих средств социального переустройства. Поэтому мыслитель ставит задачу совершенно иначе: «исходным началом при построении общественного идеала должна быть признана свобода бесконечного развития, а не гармония законченного совершенства» [8].

Для такого построения необходимо осмыслить общественный идеал как философскую проблему, то есть рассмотреть его не в относительных смыслах и значениях, которых применительно к общественному идеалу существовало множество, а как абсолютную цель общественного развития. С философской точки зрения утопии земного рая – это необоснованные предположения о коренном и всецелом преобразовании существующих социальных условий, итогом которого станет некая последняя и окончательная ступень развития общества, дальше которой продвигаться уже некуда. Мысль о таком последнем состоянии непримирима с привычными представлениями об историческом прогрессе, потому что такое финальное состояние не завершает, а прерывает историю, динамический общественный процесс внезапно сменяется невозмутимым и неизменным состоянием. Таким образом идеал из недостижимой цели превращается в абсолютно осуществленное бытие, а понимание истории приобретает эсхатологический характер. «Все равно, говорят ли нам о граде высшем и потустороннем или о здешнем земном рае, переход к абсолютному совершенству мыслится как результат преобразования и чуда, и притом чуда не частичного и временного, а всецелого и всеобщего. Тут имеется в виду коренной переворот, окончательное и абсолютное перерождение. С этой стороны невозможно усмотреть различие между эсхатологическими учениями о будущем царстве благодати и социологическими представлениями о земном рае» [9]. Такое представление о реализации идеала противоречит и естественнонаучным представлениям, и социологическим исследованиям: наука не признает перерывов в причинно-следственном ряду явлений и рассматривает каждую новую ступень развития как преобразование предшествующих ступеней. Поэтому размышления о грядущей социальной гармонии как о решительном разрыве со всем прежним образом жизни людей тяготеют не к науке, а к религиозным представлениям о преобразении действительности. Понятие абсолютного идеала необходимо в качестве исходного и руководящего начала общественной философии, но мыслить этот идеал полностью осуществимым с условиями обычной действительности ошибочно. Философия, следовательно, не должна наполнять общественный идеал конкретным содержанием и изображать переход к нему как рывок из мира конечных и условных явлений в мир абсолютный и бесконечный и соответственно должна отказаться от мысли о конце прогресса, о

завершении человеческих стремлений: «Прогресс относительных форм мы должны признать бесконечным не в том смысле, что исторически он никогда не закончится, а в том смысле, что логически ему нельзя поставить никакой границы. Под бесконечностью мы разумеем здесь не непрерывность развития, а безмерность задания» [10]. Изменения относительных явлений бесконечны, но в каждой ступени этого относительного прогресса, по словам Новгородцева, осуществляется абсолютный идеал. История представляется ему не прямой линией, ведущей человечество к заключительному торжеству разума, а сложной совокупностью отдельных усилий и действий, эмпирически не связанных в единую цепь. Идеальное общественное состояние не может быть одной из ступеней исторического развития, пусть даже высшей и последней, - оно находится за его пределами, а путь к нему представляет собой постепенное восхождение. Лучшее будущее является не основанием нравственного прогресса, а только его желаемым результатом.

Каждая человеческая личность имеет безусловное нравственное значение, поэтому критерием общественного прогресса и основанием общественного идеала должно быть понятие личности. По мнению Новгородцева, приоритет общества над личностью, какими бы резонами он ни обосновывался, означает превращение личности в орудие и средство будущего счастья неких высших существ, по отношению к которым современные люди являются низшим видом, не имеющим самостоятельной нравственной ценности. «Не гармония будущего человечества, для которого прошлые и настоящие поколения служат лишь подмостками и лесами, а безусловное нравственное значение лиц, в каждом данном общественном сочетании и в каждую данную эпоху – вот что является идеальным началом общественности. /.../ ...личность представляет ту последнюю нравственную основу, которая прежде всего должна быть охраняема в каждом поколении и в каждую эпоху как источник и цель прогресса, как образ и путь осуществления абсолютного идеала» [11]. Поэтому личность нельзя рассматривать как средство достижения общественной гармонии – наоборот, сама эта гармония является одним из средств для реализации личности.

Общественный идеал, понимаемый как абсолютная цель и задача, имеет, по убеждению Новгородцева, сверхисторический характер. Поэтому основным определением идеала в эмпирическом мире является понятие о нем как о требовании вечного совершенствования. Будучи беспредельным и бесконечным, идеал остается реальным и практическим в качестве движущего мотива человеческой жизнедеятельности, который требует не только стремления к вечно удаляющейся цели, но и постоянного осуществления нравственного закона. При этом условии общественный идеал наполняется конкретным содержанием. Признание личности безусловной нравственной ценностью предполагает свободу как естественное и необходимое выражение ее сущности, а также равенство как выражение нравственной самоценности каждого человека. Из

признания равных прав и ценности других людей рождается обязанность взаимного признания и общественные обязательства личности, обязанность ее солидарности и единства с другими лицами: «...отсюда получается определение общественного идеала как принципа всеобщего объединения на началах равенства и свободы. Поскольку мы требуем, чтобы личность уважалась всегда и везде, обязанность взаимного признания не может быть ограничена никакими пределами и различиями. Никто не должен быть исключен из идеи всеобщего единства. Безусловный принцип личности с необходимостью приводит к идее всечеловеческой, вселенской солидарности. Сводя полученные нами начала к краткой формуле, общественный идеал можно определить как принцип свободного универсализма» [12].

Представления П.И. Новгородцева об общественном идеале можно резюмировать следующим образом: 1) в классической философской и общественной мысли общественный идеал чаще всего приобретает форму утопии земного рая; 2) убеждение в возможности достижения земного рая (лучшего будущего) базируется на эсхатологических и хилиастических по сути идеях о наступлении конца истории; 3) конец истории (лучшее будущее) понимается как время абсолютного удовлетворения желаний и потребностей людей и наступления их нравственного совершенства; 4) по отношению к будущему блаженству все предшествующие стадии истории рассматриваются как подготовительные этапы, не имеющие самостоятельного значения; 5) истоки такого понимания общественного идеала коренятся в обыденном сознании обычных людей, которые мечтают об освобождении от тягот и проблем их жизни; 6) философской основой иллюзий о достижимости общественного идеала является представление о возможности гармонии личности и общества; 7) противоречие личности и общества имеет принципиальный характер и не может быть преодолено; 8) в этом противоречии определяющей стороной является личность, и общественный идеал может быть обоснован только идеей безусловной ценности личности; 9) содержанием общественного идеала является принцип всеобщего объединения личностей на началах равенства и свободы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. С. 22.
2. Там же. С. 23.
3. Там же. С. 40.
4. Там же. С. 33.
5. Там же. С. 42.
6. Там же. С. 46.
7. Там же. С. 49.
8. Там же. С. 52.
9. Там же. С. 58.
10. Там же. С. 61.
11. Там же. С. 67.
12. Там же. С. 111.

УДК 271.2(476)(09)

Восович С.М.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Начало исследования проблемы деятельности духовных учебных заведений в России, в том числе и в Беларуси, в дореволюционной историографии было положено епископом Пензенским Амвросием. Не считая данный вопрос главным

предметом своего исследования, Амвросий впервые в исторической литературе приводит некоторые данные об основании Могилёвской и Минской семинарий. Подробно рассматривается их финансирование русским правительством в конце

Восович С.М., кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и культурологии Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.